

БАЙРОНИЗМ И ЖОРЖСАНДИЗМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА — СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МИФЫ РОМАНТИЗМА: ТИПОЛОГИЯ НЕСХОДСТВА

Н.А. Литвиненко

Государственный университет просвещения, Москва, Россия; ninellit@list.ru

Аннотация: Анализируются особенности байронизма и жоржсандизма как социокультурных мифов, возникших в послереволюционную эпоху и воплотивших общественно-эстетические гендерные представления. Рассматриваются истоки гендерной оппозиции мужского и женского — Героя и Героини — в поэтике персонифицированных мифов — байронизма и жоржсандизма, приобретших в первой половине XIX века всеевропейский масштаб.

На просветительском этапе освоения специфики интимного и публичного, развития идей гражданского общества, разрушения парадигм универсализации в общественной жизни и литературе XVIII в. происходил рост гендерного самосознания общества. В статье он соотнесен с французской традицией — сентименталистским романом Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» и романтическими концепциями героя и героини в произведениях Ж. де Сталь, где конфликт, антитеза, дихотомия феминного и маскулинного начал художественно проблематизированы с позиций социального и психологического эгалитаризма.

Доказывается, что байронизм и жоржсандизм были взаимодополняющими общественно-эстетическими течениями, системами, парадигмами, мифами, в которых разнообразно интерпретируемые скепсис и индивидуалистическая концепция Героя, поэта противопоставлены оптимизму и утопии, феминному мифу Героини — в произведениях и жизнетворчестве Жорж Санд. Рассматривается гендерное своеобразие типологически родственных романтических ценностных представлений: устремленности к абсолюту, духовного максимализма при явном приоритете мужского мифа в творчестве и облике Байрона — и женского, социалистически маркированного у Жорж Санд.

Биографический и околобиографический материал, творчество каждого в первой половине века легли в основу социокультурных и романтических символизаций, характеризующих и формирующих новую гендерную семантику текста романтической культуры.

Ключевые слова: феминизм; байронизм; жоржсандизм; гендерная парадигма; социокультурный миф; романтизм

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-10

Для цитирования: Литвиненко Н.А. Байронизм и жоржсандизм в первой половине XIX века — социокультурные мифы романтизма: типология неслыхства // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 5. С. 126–139.

BYRONISM AND GEORGESANDISM IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY AS SOCIOCULTURAL MYTHS OF ROMANTICISM: A TYPOLOGY OF DISTINCTIVITY

Ninel Litvinenko

Moscow Region State Pedagogical University, Moscow, Russia; ninellit@list.ru

Abstract: The article analyzes the features of Byronism and Georgesandism as sociocultural myths that arose in the post-revolutionary era and embodied the totality of socio-aesthetic gender representations. On the basis of the historical-typological approach, taking into account the trends of modern comparative studies, the origins of the gender opposition of male and female — the Hero and the Heroine — are regarded in the poetics of personified myths — Byronism and Georgesandism, which acquired an all-European scale in European culture of the first half of the 19th century.

At the Enlightenment stage of mastering the specifics of the intimate and the public, the development of the ideas of civil society, the destruction of the paradigms of mental and universal laws of aesthetics, in public life and literature of the 18th century there was an increase in the gender consciousness of society. In the article it is correlated with the French tradition — the sentimentalist novel by J.-J. Rousseau *Julia, or the new Eloise* and the romantic concepts of the hero and the heroine in the works of Germain de Stael, where the conflict, antithesis, dichotomy of the feminine and the masculine began to be artistically meaningful from the standpoint of social and psychological egalitarianism.

It is proved that Byronism and Georgesandism were complementary and oppositional to each other as socio-aesthetic currents, systems, paradigms, myths, in which variously interpreted skepticism and the individualistic concept of the Hero, the poet, are opposed to optimism and utopia, the feminine myth of the Heroine — in the works and biography of George Sand. The gender originality of typologically related romantic value ideas is considered: aspiration for the absolute, spiritual maximalism with a clear priority of the male myth in the image of Byron and his work — and the female, socialistically marked in George Sand.

Biographical and biographically related material, the work of each in the first half of the century formed the basis of sociocultural and romantic symbolizations that characterize and form the gender specificity of the text of romantic culture.

Keywords: byronism; georgesandism; feminism; gender paradigm; sociocultural myth; romanticism

For citation: Litvinenko N. (2023) Byronism and Georgesandism in the First Half of the 19th Century as Sociocultural Myths of Romanticism: a Typology of Distinctivity. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 126–139.

В ряду социокультурных мифов, характеризующих литературный процесс в XIX столетии — феномены различной семантики и масштаба; их свойства находят проявление в «новом порядке дискурса», формируются новые стратегии мимесиса, интерпретации и осмысления жизни. В историческом и общекультурном процессе одну из определяющих тенденций развития обозначила антиномия гендерного подхода. Ее полюса располагались между набирающим популярность феминистским движением и традиционным для европейского культурного сознания маскулинным мифом о герое.

В послереволюционный период формирования новой гендерной идентификации соотношение феминного и маскулинного начал приобрело персонифицированную семантику социокультурного мифа, нашедшего воплощение в феноменах байронизма и жоржсандизма.

Мы коснемся отдельных аспектов становления и специфики обозначенной проблематики. Наша цель — на типологической основе сопоставить некоторые особенности социокультурной специфики байронизма — индивидуалистической модели самоидентификации — и жоржсандизма, развивавшегося в русле социалистически маркированной, феминистской модели. Оба течения романтической мысли выростали на почве катаклизмов, сотрясавших Европу. Понимание гендерной семантики этих феноменов в процессе развития литературы, естественно, менялось, но диалог между ними надолго определил проблемное поле европейского романтизма. Оба направления играли ведущую роль в «рассеивании энергии» мифологических комплексов и мифопредставлений, характеризующих все сферы искусства и жизни в первой половине XIX века.

Доминантную роль в литературе этого периода играл маскулинный миф. За ним стояли многовековые традиции — от классических мифологий и авраамических религий до разновременных и нововременных писательских персоналий, героев произведений Мильтона, «Бури и натиска», готической романистики и самого романтизма. Во Франции XVIII века маскулинный миф входил в пространство литературно-философской рефлексии, в том числе на сентименталистской основе, в творчество Руссо, где герой, как и автор, стали носителями не только универсальных, но и гендерно обусловленных психологических ценностных представлений. Закономерно, что интимно-психологическая сфера жизни персонажей в романистике эпохи послужила основанием авторской рефлексии над природой мужского и женского начал.

На рубеже XVIII–XIX вв. на новом этапе становления миф о герое был «скорректирован» революцией, а позднее поглощен наполеоновским мифом. В целом же, как, обобщая, подчеркивал У. Эко, миф

о герое был «одной из констант народного воображения: от Геракла до Зигфрида, от Роланда до Пантагрюэля и так далее вплоть до Пьера Пэна» [Эко 2005: 177]. В русле этих традиций в первой половине XIX столетия актуальность завоевал аккумулировавший мотивы разочарования и протеста байронический миф.

Парадигма женского мифа в творчестве Жорж Санд формировалась на иных началах и на новой ступени общественного развития. Писательницу не привлекал классический культ героя; изображение женщины приобрело новую художественную семантику. В основании создаваемого Жорж Санд мифа, как и в байронизме, — сублимационная модель, однако она включала не вызов судьбе обреченного на подвиг и поражение индивида, а утверждение женской утопии как важнейшей составляющей утопии личностной и социальной. Это утопия обретения независимости, самодостаточности в интимной, духовной, личностной и общественной сфере. И в байронизме, и в жоржсандизме ценностные ряды — добра, счастья, судьбы, свободы — соотнесены, они становились предметом символического изображения, рефлексии авторов и героев.

Оба течения общественно-эстетической мысли трансформировали многовековой опыт обращения к структурам бессознательно. И если у Байрона они восходили к маскулинному архетипу героя, то у Жорж Санд — к женскому архетипу, нашедшему воплощение в произведениях литературы, где героиня по своему масштабу, испытываемым эмоциям и достоинствам была «равновеликой» герою или «превосходила» его (Тристан и Изольда, Абельяр и Элоиза, Химена, стремившаяся быть столь же доблестной, как Родриго...). В этом ряду — и Юлия, развоплотившая традиционную модель, соединявшую в единое целое добродетель, счастье и любовь, и самоотверженные, исключительные героини Жермены де Сталь, при всех безусловных достоинствах обреченные на поражение.

Неомифологизм первой половины XIX века восходил не только к многовековым традициям европейской культуры [Myth in the Nineteenth and Twentieth Centuries; Козин, Литвиненко и др. 2022], но и к исканиям просветительской мысли, которая стремилась соединить «оптимистичность и скепсис, иронию и меланхолию, трезвость и патетику», постичь «границы разума», «его пограничье с бесконечным пространством иррационального» [Пахсарьян 2008]. Закономерно экзистенциально-гендерная проблематика входила в контекст общественной мысли предреволюционной и революционной поры, внося существенные коррективы в понимание гендерной природы человека — существа общественного и личностно-неповторимого, сложившееся в предшествующие эпохи [Земон, Фарж 2008].

В Англии на рубеже XVIII и XIX вв. была опубликована «Защита прав женщины, с критикой политических и моральных вопросов» М. Уолстонкрафт (*A Vindication of the Rights of Woman: with Strictures on Political and Moral Subjects*, 1792). Зачинательница феминизма Уолстонкрафт, Байрон, Шелли, Мэри Шелли (дочь Годвина и М. Уолстонкрафт), как и писательницы-«викторианки» Дж. Остин, сестры Бронте, Дж. Элиот, в своем творчестве и жизненной практике вступали в противоречие с господствующими в обществе моральными стереотипами. Феминистский «оттенок» проявлялся в образах героинь, не желающих считаться «с жестким моральным императивом, уготовившим им скромное место на церковной скамье...» [Ливергант 2022]. Абсолютный ценностный приоритет любви и страсти в предромантическую и романтическую эпоху формировал (не только в английской литературе) новый тип сюжетных коллизий, отношений между мужчиной и женщиной и, соответственно, между героем и героиней. Новые тенденции в подходе к «женской» проблеме накапливались в творчестве не только Дж. Остин, но и Вальтера Скотта; с вызовом и энтузиазмом — в творчестве Шелли, не без влияния Жорж Санд — в романах сестер Бронте.

Во Франции XVIII в. протофеминистские идеи входили в философско-эстетический и художественный дискурс Монтескье, Вольтера, Дидро, Руссо, в сочинения маркиза и мадам де Кондорсе [XVIII век 2008], в сферу общения участников многочисленных светских салонов (мадам де Рекамье, мадам де Кондорсе, Жермены де Сталь...). Современные французские историки культуры констатируют: «С XVI по XVIII в. они [женщины] присутствуют во всех социальных сферах — домашней, экономической, интеллектуальной, публичной, конфликтной и даже игровой» [Земон, Фарж 208: 13]. Закономерно, что литература, в особенности романистика, была здесь репрезентативным пространством. В трудах писателей, философов, публицистов традиционно мужской императив «натурализации» — универсальности человеческой природы — уступал место рефлексии над своеобразием внутреннего мира женщины, ее интеллекта и «чувствительной натуры» [The History of Feminism 2022].

Сентименталистская и рокайльная поэтика сделала предметом изображения разнообразные ракурсы «женской» ментальности; женское и женственное начало становилось сюжетообразующим, центральным мотивом, оказывало влияние на понимание и интерпретацию ментальности «мужской» — у Руссо, авторов «Монахини» (1780, 1796), «Опасных связей» (1782), «Персидских писем» (1721) или «Манон Леско» (1731, 1733). Н.Т. Пахсарьян убедительно пишет о феминизации романного пространства рококо, стирающей границы

«женского» и «мужского», придающей каждой из этих сфер двойственность, двусмысленность, и об этико-эстетической семантике феминистских представлений [Пахсарьян 2008], которые уже в XIX веке приобретут социальный, социально-политический смысл.

Рефлексия над гендерными особенностями и перспективами развития общества органически входила в герменевтический текст французской культуры. Социально-национальные особенности изображения положения женщины в семье и обществе выполняли в романистике и публицистике эпохи, особенно в сентименталистском романе, социально конкретизирующую функцию, углубляя и трансформируя экзистенциально-личностные аспекты изображения персонажей, межличностных общественных отношений.

Так, Руссо, предваряя романтиков, в изображении Юлии и Сен-Пре скрещивал противоречия социальные, психологические с онтологическим подходом, придавал феминной модели, по видимости ориентированной на утверждение традиционных представлений о добродетели и счастье, неоднозначную, по существу провокативную семантику. Недаром в предисловии к «Юлии, или Новой Элоизе» (1757–1760), угадывая векторы развития массовой романистики, он с нескрываемой иронией писал, что «рискованно» предлагать его роман «невинным девушкам», добавляя: а женщин, «сохранивших хотя бы стремление к порядочности», роман этот «наставит на путь истины» [Rousseau 1774]. Вводя тему любви в контекст психологической аналитики, Руссо включил в понимание мужской и женской чувствительности гендерные разграничения: «Хотя любовь в вас и одинаково сильна, но не сходна в своих проявлениях, — пишет г-жа д'Орб. — Ваша — кипучая и порывистая, ее — нежная и кроткая; ваши чувства буйно рвутся наружу, ее — уходят в глубь сердца и, проникая в недра души, незаметно преобразуются и меняются...» [Rousseau 1774]. Ключевым становится уточнение о незаметно меняющемся мире чувств героини. Руссо угадывает иррациональные глубины происходящих в женской душе процессов и перемен. И однако, при всех моралистических установках автора, одержимость страстью, чувствительность смягчала в романе Руссо гендерную антитезу мужского и женского начал — но отнюдь не снимала ее в сфере общественно-репутационной, которая определила ход и развязку интриги. «Рефлексивная, ретроспективно размышляющая» страсть (выражение Поля де Мана) на социальной и гендерно-психологической основе проблематизировала ее изображение [Christophe 2021]. Руссо создал художественную модель личностной, почти подтекстово-фантомной самореализации героини, где прошлое — страсть — торжествовало над настоящим, обладая вечным потенциалом трагического жизнетворчества. Тем самым руссоист-

ский сентименталистский миф о любви, в его мужском и женском проявлениях, сближался с романтизмом, подготавливал романтизм.

У Руссо гендерная стратегия включала последовательную смену ролевых функций персонажей, в конце произведения писатель окончательно сместил идейный центр романной интриги, введя исповедальное признание Юлии как результат откровения, осознанного героиней перед лицом смерти. Если в «программных» письмах госпожи д'Орб (ч. 3) страсть наделялась сугубо «отрицательной» семантикой (слезы, траур, смерть, горечь, мука, унижение), то в предсмертном письме Юлии, обращенном к Сен-Пре, неожиданно произошла переоценка всех предшествующих моралистических установок и аргументов. Юлия «опровергла» «мужскую», рационально выстроенную философию жизни, противопоставив ей новую сакральность — любовь [Christophe 2021]. «Герменевтическая динамика» заставляла читателя переосмыслить все промежуточные сюжетные «развязки» романа [Cauvin 2023]. «Мужской», идеально выстроенной морали добродетельного существования Кларанса героиня Руссо противопоставила глубоко выстраданную, идеальную женскую утопию — любви-страсти-счастья, пусть и по ту сторону земного удела.

Иррациональный, сакрализуемый возвышенный женский и в то же время универсальный сентименталистский миф о любви-счастье — один из ранних абрисов мифа о голубом цветке — ляжет в основу эстетического мироощущения многих романтических героев. В литературе первой половины XIX века он станет знаком преодолеваемого или не преодолеваемого диссонанса между рациональным и иррациональным.

Важнейшую роль в становлении феминистских идей во Франции на рубеже XVIII и XIX вв. сыграла Жермена де Сталь. В эссе «О влиянии страстей на счастье людей и народов» (*De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations*, 1796) писательница воспела то, что составляло, с ее точки зрения, высший смысл женского бытия: любовь, страсть, одухотворенную чувственность — предпосылку и основу счастья. Ее эссе — это панегирик во славу человека, независимо от его гендерной принадлежности, а по существу — во славу собственной женской натуры, природы, «прекрасной души»; весь стиль, логика, эмоциональный накал, энтузиазм, автобиографический лиризм делают его гимном во славу любви и женщины.

С лирическим энтузиазмом писательница заставляет звучать феминистские идеи в своих романах, обнажая антитезы и антиномии, созидающие, но и разрушающие идеальный универсум любви-страсти персонажей, принадлежащих к различным национальным

и гендерным традициям, историко-этническим типам европейской культуры (Франции, Англии, Италии).

Конфликт автора книги «О Германии» (1810) с Наполеоном, международные связи и контакты писательницы, ее романы сделали де Сталь живым воплощением новых феминистских устремлений эпохи. Героини писательницы обнаруживали интеллектуальное, духовное превосходство над самыми незаурядными носителями мужественности, традиционно закрепившими за собой статус героя. Де Сталь подчеркивала героизм перед лицом смерти Леонса в «Дельфине», бесстрашие и личное мужество лорда Нельвиля (сцены пожара в Анконе в «Коринне, или Италии», 1807). В то же время она не видела в этих персонажах «способности подняться до понимания масштаба исторической трагедии» (Леонс), оценить гений Коринны (лорд Нельвиль), как не сумел оценить достоинства Элеоноры Адольф Констана. Герои ее романов, носители страсти, рядом со своими избранницами обнаруживают слабость, не могут преодолеть стереотипы поведения, повинуются господствующим в обществе законам [Шрейдер 2011]. Рабы «общественного мнения», наделенные признаками несостоявшихся байронических героев, они, в конечном счете, предают своих избранниц, проигрывают поединок с судьбой.

Опыт участия в революционных событиях и войнах формировал социокультурные мифы, модели поведения индивида, сообществ, масс, запросы на коренную переоценку ценностей — представлений о роли личности, морали и вере, революции, прошлом и будущем человечества. Отвечая им, байронизм и жоржсандизм стали «носителями совокупных социально-эстетических смыслов» (выражение Е.М. Мелетинского), получили широкое распространение, тиражировались, были предметом подражания в культуре различных европейских стран.

Байронизм и жоржсандизм — это совокупность конструктов, понятий, принципов, включающих комплексы этических, философско-эстетических идей и мифологем, объединенных по принципу индивидуальных и гендерно бинарных, но все-таки поливалентных оппозиций. В основе их — этико-эстетический и философский параллелизм. В одном случае абсолютизируется маскулинное начало, индивидуалистическая модель самоидентификации героя, скептическая парадигма, бунт против существующих законов не только общества, но и бытия. В другом — поиски общественной гармонии, идеала, новых гуманистических универсалий, концепция гендерного и социального равенства, оптимистическая вера в будущее.

При всем несходстве байронизм и жоржсандизм обладали типологической общностью, хотя байронизм сформировался в 1810-е гг.,

а творчество французской писательницы с середины 1830-х гг. оказалось в оппозиции к нему. Создав в «Лелии» (1833) блистательный образ — женскую ипостась байронического героя (Шатобриан назвал автора «будущим лордом Байроном Франции»), — Жорж Санд, не без влияния социалистических идей (Сен-Симон, Фурье, Анфантен, особенно П. Леру), резко изменила отношение к индивидуалистической модели байронизма. В 1841 г. она откажет Наполеону в статусе великого человека, противопоставив ему, «человеку сильному», подлинно великого — Руссо, открывшего человечеству новые горизонты мысли («Размышления о Жан-Жаке Руссо»). За ореолом роковой силы байронических героев в ее повестях и романах середины 1830-х гг. будут скрываться преступление и чудовищный эгоизм. Герои этих произведений неизменно влекли себя и своих возлюбленных к катастрофе («Леоне Леони», 1835; «Ускок», 1838).

Прометеевско-мужское начало в творчестве Байрона обладало невиданной мощью. Созданные поэтом символы мужественности заслоняли собой феминные мотивы, воплощенные в образах Астарты или Медоры, находили «косвенное» воплощение в лирических фрагментах поэм, в стихах и драмах («Стансы к Августе», «Тьма», «Из дневника в Кефалонии», «Манфред», «Каин»). В отличие от английского поэта, Жорж Санд редко стремилась к концентрированной символизации. Она сделала объектом изображения в своих романах не вневременные ипостаси вечной женственности, а несчастье конкретного индивида — женщины и мужчины, участников «длящихся драм». В центре ее произведений — протест женщины против господствующих норм семейного, общественного, психологического рабства. «Собирая лучи в фокус», в романах 1830–1840-х гг. писательница моделировала преодоление гендерных противоречий на основе «идеализированной когнитивной модели» — социально-психологической утопии эгалитаризма, создавая образы идеологов будущего, иных, чем Лаон и Цитна, — графа Альберта и Консуэло.

Байронизм и жоржсандизм были векторами поляризации общественных настроений. Отрицая настоящее, Жорж Санд и Байрон противопоставляли обществу позицию лирического субъекта, повествователя, автора, героя. У Байрона это была позиция скепсиса, возвышенного эскапизма, бунта против мировых и надмирных сил, диктующих человеку свою волю, позиция героического страдания и гордыни. У Жорж Санд настоящее осмысливалось в свете утопии будущего, в котором в соответствии с телеологической моделью эволюции, в гармонии с миром и обществом индивид искал себя и свою дорогу к счастью. Героическое в этой парадигме играло приоритетную роль, воплощаясь в женской ипостаси и обретая социально-прогностический смысл.

Это не была позиция поисков андрогинного единства, стремления «сомкнуть крайности бытия», мистической гармонии, как у Ф. Шлегеля, но, как и у йенских романтиков, это была «эмансипация любви, женщины и человека вообще» (курсив автора) [Дмитриева 2014]. Писательница противопоставляла байроновской модели, в перекличке с йенцами, утопию идеала, модифицируя с этой целью художественную структуру своих романов. Байронизм и жоржсандизм воплощали антиномию утопии и антиутопии, мужского и женского начал, предчувствие катастрофы, торжества тьмы или — на другом полюсе — светлого будущего, ожидающего человечество, — ритмы и аритмию их взаимоотражений.

Формирующийся в творчестве Жорж Санд миф не оплакивал прошлое, не сосредоточивался на роковом и неизбывном трагизме жизни, он был устремлен в будущее, которое писательница стремилась предугадать. Оно казалось ей близким вплоть до революции 1848 г.

В силу общественных и биографических факторов, связанных с выбором мужского псевдонима, традиционная оппозиция мужского и женского в романтическом дискурсе Жорж Санд размыта; в искомом и обретаемом универсуме своей идентичности его составляющие вступали в диалог, в том числе внутри дискурса как такового, когда позиция повествователя — носителя мужского псевдонима — реализуется в аналитизме, женской пронизательности изображения внутреннего мира персонажей — женской и в то же время общественной среды. В центре романов писательницы новая психологическая, социокультурная целостность: женщина — личность — достоинство — любовь — счастье, иррациональное, уходящее корнями в пространство мифомышления эпохи. Героиня не жертва, не призрак, не отраженный контур героя, не голубой цветок, не ребенок, не объект эротических желаний, а личность, равная своему избраннику — «другому», отстаивающая свои нравственные принципы, как и у Байрона, в противоборстве с антагонистом, общественными законами и окружающей средой. Эти нравственно-эстетические принципы легли в основу концепции романтического феминизма первой половины века.

Разумеется, байронизм и жоржсандизм не сводимы к «личностным формам» (выражение А.Ф. Лосева) — фигурам авторов, давших название этим феноменам общественно-эстетической мысли. Однако не менее очевидно, что структурирующую роль здесь играли личность и творчество Байрона и Жорж Санд. Обоих сближал темперамент, вызов обществу, гражданственное начало. Каждый из них формировал свой «большой» миф в пространстве европейской культуры. Будучи переосмыслены, эти мифы включали в свою ор-

биту множество других, смежных или пребывающих в оппозиции друг к другу, в том числе биографических, мифов. Оба больших мифа вошли в гипертекст европейской культуры, содержали полифоническую семантику свойственных английскому и французскому романтизму концептов, концепций и идей, легших в основу мифотворчества и житнетворчества первой половины XIX века. Если байронизм умножал влияние на общественное сознание мужского мифа о герое [Cauvin 2023], то произведения Жорж Санд многократно усиливали воздействие феминистских идей, трансформируя байронический, мужской миф, углубляя рефлексию представителей «мыслящего класса» над актуальными проблемами современности. Демократизируя читательскую среду, оба — Байрон и Жорж Санд — способствовали росту пассионарности общества, распространению гражданских воззрений, способствовали выработке новых модификаций мифов, выработке новых матриц культуры. Влияние их было чрезвычайно весомым — и в ближайшей, и в отдаленной исторической перспективе. На этой основе обогащались ресурсы романтизма как общеевропейского феномена культуры, усиливался мифотворческий потенциал популярной, массовой культуры [Diaz 2023].

Комплексы, лежащие в основании байронизма и жоржсандизма, моделировали антитетически связанные разновидности романического этико-эстетического канона, в структуру которого входили образы, коллизии, нравственно-этические и социально-исторические архетипы, которые оказали влияние на формирование лирической и нарративной идентичности — не только на романтическую, но и на постромантическую литературу, на развитие гендерных и феминистских идей в последующие века.

Антиутопии, восторжествовавшие в XX веке, трагический опыт мировых войн, «потерянных» и отчаявшихся поколений постиндустриальной эры, ощущение «нестабильности», сформулированное в знаменитом принципе «неопределенности Гейзенберга», принципиально новые эстетические искания современной гуманитарной мысли не отменили общественный запрос на понимание истории, преодоление абсурда, заброшенности, одиночества индивида, на диалог с прошлым, с мифами и ценностными иллюзиями, которые исповедовал романтизм. Ольга Седакова имела основание обнаружить в постмодернизме «тоску по образу, по символу, тоску по этике, по прямому и сильному высказыванию» [Седакова 2022].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дмитриева Е.Е.* Йенский романтизм и теория романтического сообщества / История немецкой литературы: Новое и новейшее время / Под ред. Е.Е. Дмитриевой, А.В. Маркина, Н.С. Павловой. М., 2014. С. 359–367.

2. Земон Н., Фарж А. Женщины как действующие лица истории // История женщин на Западе. Т. 3. 2008. С. 13–20.
3. Козин А.А., Литвиненко Н.А., Лунина И.Е., Редина О.Н. Мифогенный и мифотворческий потенциал образов в зарубежной литературе XIX века. Романтизм (Часть I) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 85–94.
4. Ливергант А. Викторянки. М., 2022.
5. Пахсарьян Н.Т. История зарубежной литературы XVII–XVIII вв. [Электронный ресурс]. URL: 17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/pahsaryan-17-18v... (дата обращения: 22.11.2022).
6. Пахсарьян Н.Т. Женское и мужское пространство во французском романе рококо // XVIII век: женское / мужское в культуре эпохи. М., 2008. С. 278–284.
7. Седякова О. После постмодернизма [Электронный ресурс]. URL: <https://olgasedakova.com/Moralia/277> (дата обращения: 02.10.2022).
8. Шрейдер Н.С. Романы Жермены де Сталь / Из историко-литературного наследия. Днепрпетровск, 2011. С. 95–108.
9. Эко У. Миф о супермене / Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2005. С. 177–206.
10. Burke T.D. Byronism, Napoleonism, and Nineteenth-Century Realism: Heroes of Their Own Lives? Copyright Year 2022. Published November 30, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.routledge.com/Byronism-Napoleonism-and-Nineteenth-Century-Realism-Heroes-of-Their-Own/Burke/p/book/9780367749033> (дата обращения: 08.01.2023).
11. Diaz J-L. Quand les lecteurs étaient victimes de personnages (1800-1871). *Fabula / Les colloques*. Le personnage, un modèle à vivre. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/colloques/document5084.php> (дата обращения: 28.08.2023).
12. Sauvin É. La dynamique romanesque de la chimère dans *Julie ou La Nouvelle Héloïse* // *Acta fabula*, vol. 24, n° 1, Notes de lecture, Janvier 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/revue/document15716.php> (дата обращения: 20.01.2023).
13. Christophe M. La Philosophie des amants. Essai sur *Julie ou La Nouvelle Héloïse*. Paris, 2021.
14. The History of Feminism: Marie-Jean-Antoine-Nicolas de Caritat, Marquis de Condorcet. Stanford Encyclopedia of Philosophy *First published Tue Mar 10, 2010; substantive revision Tue Jan 11, 2022* [Электронный ресурс] URL: [sep_history-of-feminism.pdf](https://www.encyclopediaofphilosophy.com/document/afm0000100) (wordpress.com) (дата обращения: 06.02.2023).
15. Myth in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Encyclopedia of Ideas: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sites.google.com/site/encyclopediaofideas/literature-and-the-arts/myth-in-the-nineteenth-and-twentieth-centuries> (дата обращения: 04.12.2022).
16. Rousseau J. J. *Julie ou la Nouvelle Héloïse*. Т. 1. (Lettre VII). Londres, 1774.

REFERENCES

1. Dmitrieva E.E. *Jenskij romantizm i teoriya romanticheskogo soobshchestva* // Istoriya nemeckoj literatury: Novoe i novejshee vremya / Pod red. E.E. Dmitrievoy, A.V. Markina, N.S. Pavlovoj [Jena romanticism and the theory of the romantic community / History of German literature: New and modern times]. М.: RGGU, 2014, pp. 359–367. (In Russ.)

2. Zemon N., Farzh A. *Zhenshchiny kak dejstvuyushchie lica istorii / Istoriya zhenshchin na Zapade* [Women as historical actors. Western women's history]. T. 3. 2008, pp. 13–20. (In Russ.)
3. Kozin A.A., Litvinenko N.A., Lunina I.E., Redina O.N. Mifogennyj i mifotvorcheskij potencial obrazov v zarubezhnoj literature XIX veka. Romantizm (CHast' I) [Mythogenic and myth-creating potential of images in foreign literature of the 19th century. Romanticism. Part 1]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 2022. № 4, pp. 85–94. (In Russ.)
4. Livergant A. *Viktorianki* [Victorian women]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2022. 721 p. (In Russ.)
5. Pahsar'yan N.T. *Istoriya zarubejnoi literaturi XVII-XVIII vekov* [The history of foreign literature of the XVII-XVIII centuries]. URL: pahsaryan-n-t-istoriya-zarubezhnoj-literatury-xvii-xviii-vv-ehlektronnyj-resurs-url-17v-euro-lit-niv-ru-17v-euro-lit-pahsaryan-17-18v (accessed 22.11.2022).
6. Pahsar'yan N.T. Zhenskoe i muzhskoe prostranstvo vo francuzskom romane rokoko / XVIII vek: zhenskoe / muzhskoe v kul'ture epohi — XVIIIe siècle: féminin / masculin dans la culture de l'époque [Female and male space in the French Rococo novel // XVIII century: female / male in the culture of the epoch]. *Nauchnyj sbornik / Pod red. N.T. Pahsar'yan. M., 2008. pp. 278–284. (In Russ.)*
7. Sedakova O. Posle postmodernizma [After postmodernism]. URL: <https://olgasedakova.com/Moralia/277> (accessed 02.10.2022). (In Russ.)
8. Shrejder N.S. *Romany Zhermeny de Stal' / Iz istoriko-literaturnogo naslediya* [From the history of literary heritage]. Dnepropetrovsk, ART-PRESS, 2011, pp. 95–108. 418 p. (In Russ.)
9. Eco U. *The myth of superman / The role of the reader. Research on semiotics*. St. Petersburg: SIMPOSIUM, 2005, pp. 177–206.
10. Burke T.D. *Byronism, Napoleonism, and Nineteenth-Century Realism Heroes of Their Own Lives*. Copyright Year 2022. Published November 30, 2021 by Routledge. 214 p. URL: <https://www.routledge.com/Byronism-Napoleonism-and-Nineteenth-Century-Realism-Heroes-of-Their-Own/Burke/p/book/9780367749033> (accessed: 08.01.2023).
11. Diaz J.-L. *Quand les lecteurs étaient victimes de personnages (1800–1871). Fabula / Les colloques*, Le personnage, un modèle à vivre. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/colloques/document5084.php> (accessed: 28.08.2023).
12. Cauvin É. *La dynamique romanesque de la chimère dans Julie ou La Nouvelle Héloïse / Acta fabula*, vol. 24, no.1. Notes de lecture, Janvier 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/revue/document15716.php> (accessed: 20.01.2023).
13. Christophe M. *La Philosophie des amants. Essai sur Julie ou La Nouvelle Héloïse*, Sorbonne Université Presses. 2021. 280 p.
14. The History of Feminism: Marie-Jean-Antoine-Nicolas de Caritat, Marquis de Condorcet // Stanford Encyclopedia of Philosophy. *First published Tue Mar 10, 2010; substantive revision Tue Jan 11, 2022*. [Электронный ресурс]. URL: sep_history-of-feminism.pdf (wordpress.com) (дата обращения: 06.02.2023).
15. Myth in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Encyclopedia of Ideas: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sites.google.com/site/encyclopediaofideas/litera>

ture-and-the-arts/myth-in-the-nineteenth-and-twentieth-centuries (accessed: 04.12.2022).

16. Rousseau J. J. *Julie ou la Nouvelle Héloïse*. Т. 1. (Lettre VII). 1774.

Поступила в редакцию 30.05.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Отредактирована 15.09.2023

Received 30.05.2023

Accepted 29.08.2023

Revised 15.09.2023

ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Нинель Анисимовна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур, факультет русской филологии, Государственный университет просвещения; ninellit@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ninel Litvinenko — Prof. Dr of Philology, Department of Foreign Literatures, Faculty of Russian Philology, State University of Education; ninellit@list.ru